

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.435-452>
EDN: FXPNYI

УДК 93/930

ТИТУЛАТУРА ШАМХАЛОВ И КАРАЧИ-БЕКОВ
КАК НАСЛЕДИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Ш.Ш. Шихалиев¹, А.В. Шумкин² ✉

¹ *Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН
Махачкала, Российская Федерация*

² *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Москва, Российская Федерация
✉ arsen1293@rambler.ru*

Резюме. Цель статьи: Статья посвящена проблемам политической и этнической истории Шамхальства, пересмотру комплекса источников, проливает свет на историю этого политического образования и формирование ее социальных институтов под влиянием Золотой Орды и Крымского ханства.

Материалы исследования: Новые, не публиковавшиеся ранее арабграфичные материалы дагестанских частных и государственных рукописных собраний.

Результаты и новизна: В статье дан новый взгляд на принятую в шамхальстве политонию, его структуру, историю возникновения, отношений с Золотой Ордой и её преемниками, а также на происходившие внутри него этнические процессы. Исследование позволило сделать вывод о том, что социальная и политическая структура Шамхальства развивалась не изолировано, а под сильным влиянием Золотой Орды, Большой Орды и Крымского ханства. При этом многие институты социально-политической структуры шамхальства продолжают управленческие традиции государств, образовавшихся после распада Золотой Орды в середине XV века.

Ключевые слова: Золотая Орда, карачи-беки, кумыки, уланы, шамхальство, ширваншахи

Для цитирования: Шихалиев Ш.Ш., Шумкин А.В. Титулатура шамхалов и карачи-беков как наследие политического устройства Золотой Орды на Восточном Кавказе // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 435–452. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.435-452> EDN: FXPNYI

© Шихалиев Ш.Ш., Шумкин А.В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

TITULATION OF THE SHAMKHALS AND KARACHI-BEKS AS A HERITAGE OF THE GOLDEN HORDE'S POLITICAL STRUCTURE IN THE EASTERN CAUCASUS

*Sh.Sh. Shikhaliev*¹, *A.V. Shumkin*² ✉

¹*Institute of History, Archeology and Ethnography, Daghestan Federal
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russian Federation*

²*Russian Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation
✉ arsen1293@rambler.ru*

Abstract. The article is dedicated to the issues of political and ethnic history of Shamkhalate, revising the range of sources, shedding light on the history of this political entity, and the formation of its social institutions under the influence of the Golden Horde and the Crimean Khanate.

Research Materials: New, previously unpublished Arabic-script sources from private and state manuscript collections in Daghestan.

Results and Novelty of the Research: The authors delve into the socio-political evolution of Shamkhalate within the broader context of interconnected societies. This interdisciplinary framework yields novel perspectives on Shamkhalate's polytonymous nature, its structural underpinnings, historical genesis, and its intricate relations with entities such as the Golden Horde and its successors. Furthermore, the study sheds light on the complex ethnic dynamics inherent within Shamkhalate. Ultimately, the findings challenge the notion of Shamkhalate's development in isolation, highlighting its profound entanglement with the hegemonic influences of Genghisid states such as the Golden Horde, Hulaguid power, and the Crimean Khanate. Moreover, the study underscores the continuity of administrative traditions within Shamkhalate, echoing practices established following the collapse of the Golden Horde in the mid-15th century.

Keywords: Golden Horde, karachi-beks, kумыks, улans, Shamkhalate, Shir-van-shakhs

For citation: Shikhaliev Sh.Sh., Shumkin A.V. Titulation of the shamkhals and karachi-beks as a heritage of the Golden Horde's political structure in the Eastern Caucasus. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 435–452. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.435-452> (In Russian)

Вопросы складывания и этногенеза основного населения Шамхальства Тарковского – кумыков¹ всегда представляли значительную проблему для иссле-

¹ Говоря об основном населении, авторы отнюдь не подразумевают, что кумыки составляли большую часть жителей шамхальства. Напротив, горцы могли быть более многочисленны. Первоначально шамхальство являлось полиэтничным политическим образованием, а политоним кумыков (или кази-кумыков) могли носить и горцы. Вместе с тем, в конце XVI века шамхальство пережило институциональное преобразование, а его центр был перенесен из Гази-Кумуха на плоскость. С этого момента его ядро составляли уделы карачи-беков и шамхальских уланов, которые были населены преимущественно тюркоязычными жителями. Связи же различных горских сельских общин с шамхальством сильно ослабли в XVIII веке, после упразднения шамхальства Российской империей, и последующего разгрома дагестанцами Надир-шаха, восстановившего шамхальство.

дователей истории Дагестана. Для их разрешения авторы сочли целесообразным разбить данную проблематику на ряд сегментов и последовательно их разрешить. Ввиду специфики дагестанской письменной традиции и отсутствия полноценного нарративного описания образования шамхальства особое значение приобретает изучение эволюции его общественной структуры. В частности из преданий известно, что знакомая нам социальная структура кумыкской общины сложилась в конце XVI века за счет внедрения Султан-Махмудом (одним из сыновей шамхала Чопалава) на прикаспийской равнине норм обычного права кабардинцев. Однако социальная номенклатура кумыков еще долгое время сохраняла рудименты общественного устройства их предшественников-тюменцев, в общих чертах основанного на сословных институтах Монгольской империи. Стоявшие во главе последней феодалы делились на две ступени: наследственную и служилую аристократию. К наследственной причислялись лишь представители Золотого рода, основанного Чингиз-ханом, которые носили титул его «сыновей» (монг. кобегун, тюрк. оглан). К служилой – предводители кочевых племен, известные монголам под названием ноянов, а тюркам – беков.

Эволюция корпорации беков

Служебная иерархия беков была строго вертикально структурирована и определялась положением, которое они занимали в войске: командиры десятков, сотен, тысяч и тюменей. На самом верху служебной лестницы находились беки улусов, которым, как правило, были подчинены несколько тюменей [8, с. 115–117]. По традиции количество таких улусных беков при каждом хане ограничивалось четырьмя [44, с. 183]. При идеальной десятичной организации ханское войско могло бы насчитывать 400 тысяч бойцов, ввиду чего в тюркской и монгольской литературной традиции для его описания утвердилась лексическая формула «сорок тюменей» [8, с. 135]. Впрочем, в научной литературе не раз указывалось на то, что фактический размер населения тюменей едва ли мог достигать 10 тысяч боеспособных мужчин [6, с. 570; 8, с. 132, 135–136]. Более того, известно, что улусные беки Джучи-хана (сиджиут Мунгеду, кунлиут Кетилтай, хушин Хушидай и арлат Байку) были всего лишь ноянами-тысячниками [26, с. 39].

По сути дела племена, к которым принадлежали улусные беки, формировали основной корпус служилой аристократии. Перечень этих племен в Улусе Джучи менялся в зависимости от того, какая ветвь его потомков занимала ханский престол. Так при Тукай-Тимуридах это были бахрины, аргуны, ширины и кыпчаки, при Шибанидах – бейраки, карлуки, уйгуры и найманы [37, с. 29, 55; 1, с. 168]. На практике семейства служилой аристократии вскоре выделились в особую социальную группу, известную как мирзы, хотя формально они были выходцами из того же сословия харачу/карачи («чернь»), что и рядовые кочевники, для которых была открыта возможность пойти на службу в ханское войско в качестве нукеров [8, с. 118]. Поскольку Джучиды опасались повторить судьбу остальных чингизидов, свергнутых служилой знатью (Джалаиридами и Тимуридами), то в Золотой Орде под конец её существования утвердилась традиция всячески подчеркивать народное происхождение улусных беков, в титул которых теперь обязательно включался термин карачи [44, с. 181–182].

Так и в сельских обществах кумыков различали беков шамхальской крови, которых принято было именовать улан-биями, и карачи-беков. Причем размер композиций последних², служивший на Кавказе показателем общественного

² Имеется в виду, размер платы за кровь, обозначавший социальный статус кровников.

положения, приравнивал их к узденям³ [28, с. 129–130; 30, с. 63]. Этнографические данные, собранные в середине XX века, подтверждают, что подвластные им уздени также именовались карачиевцами [22, с. 155]. По образцу чингизидских ханств в шамхальстве было устроено четыре бийлика, управлявшихся карачи-беками. Первый из них включал селения Эрпели, Ишкарты, Каранай и Ахатлы; второй – Карабудахкент и Губден; третий – Гамри и Утемиш; четвертый – Аркас [28, с. 198; 30, с. 70].

Самым значительным среди них был Эрпелинский бийлик, историю которого можно проследить с середины месяца сафара 989 г.х. (16–25 марта 1581 г. н.э.), когда в османских реестрах упоминается Кумукский бек Исмаил, а вместе с ним ещё две персоны – Кейхосров и Чирак [45, с. 441] (см. генеалогию эрпелинских карачи-беков). Местная генеалогическая традиция называет основателем рода местных карачи-беков именно Исмаила, утверждая, что он якобы был одним из трех наследников легендарного персонажа Тарих-Дагестан – нуцала Авари Сураки [17, с. 344]. Изгнанный из дома вместе со своим братом Карланом он поселился в Гурбеке, который укрепил деревянным валом [22, с. 155; 23, с. 12, 17].

К 1589 г. Исмаил по-видимому умер, так как московские послы в Грузии С.Г. Звенигородский и Т. Антонов зафиксировали в своем статейном списке, что сын шамхала Алкас-мирза укрылся в кабаке у своего брата Сурхая, ввиду того, что «согнали его с своего кабака кумытцкие князи Костов да Будачей, Смаилевы дети» [32, с. 24]. Сын Исмаила Тели-Будайчи долго вел войну с шамхалами за освобождение от податей и за спорные земли (легенда называет центром шамхальства Кафир-Кумук, следовательно, начатый при Сурхае конфликт продолжался и во времена правления Андия). Заключив мир, он смог расширить отцовское владение (простиравшееся теперь от Огюзтау до р. Койсу, а на плоскости до местности Атлан и Чир-юрта) и перенес свою резиденцию в Эрпели [22, с. 155–156; 23, с. 12–14].

В отписке, поданной в 1598 г. в Посольский приказ, воеводы Ф. Лобанов-Ростовский и В.Г. Щетинин, указали «кабак Ерпели Будачей Ерпелского с братьею, а у них с 400 человек конных», пояснив тем самым, что селение Эрпели располагало тогда одним из самых значительных ополчений в Дагестане, уступая своей военной силой лишь Кайтагу, Табасарану и Гази-Кумуху [7, с. 293]. Неудивительно, что в документах Посольского приказа конца XVI – начала XVII вв. Эрпели неизменно упоминается в числе наиболее значимых сельских общин Северного Кавказа [32, с. 39, 40, 62]. В 1614 г. «Ерпелской князь, Будачеев брат, Магамет мурза» участвовал в заключенном между Гиреем, главой кабардинских князей Таусултановых Карачаем Шолоховым и представителями Московского государства шарт-наме против Андия и Султан-Махмуда [7, с. 533]. О политическом весе Эрпели говорит тот факт, что 8 января 1615 г. «Будачеева сына Ерпельского Уцмея» в обеспечение шарт-наме взяли в аманаты в Терский город, однако, получив в жалованье «однорядку лазореву настрафильную с круживом золотным з завясками», он тут же был разменян на Умалата, сына Сурхай-шамхала и отпущен «в Кумыки февраля в 5 день» [32, с. 69–71].

³ Это институт грузинского ленного права (первоначальное название азнаур), который был заимствован абхазами и черкесами (под названиями агмыста и уорк соответственно), а затем распространен ими по всему Северному Кавказу и получил тюркское название уздень. Вместе с тем, была особая привилегированная прослойка диди-азнаури (агмыста-ду, уоркишко или улу-уздень в переводе), которая владела землями независимо, находясь лишь в формальном вассалитете от князей. Их отличие от рядовых узденей отдаленно напоминает разницу между европейскими феодалом и фьефом.

Несколько меньше известно об остальных трех домах карачи-беков. А.-К. Бакиханов возводил родословную карачи-беков Карабудахкента и Губдена к кумыкскому эмиру Губдену, персонажу местных преданий об Аксак-Тимуре [5, с. 81]. Однако Джамал ад-Дин-хаджи ал-Гарабудаги в «Истории Кавказа и селения Карабудахкент» назвал предком карачи-биев этого селения Карабудаг-Атая [30, с. 62]. Очевидно, это лицо упоминается в османских реестрах от 3 рамадана 986 г.х., 6 раджаба 989 г.х., 17 джумада ал-ахира 991 г.х. и 4 раджаба 994 г.х. (12 ноября 1578 г. н.э., 6 августа 1581 г. н.э., 7 июля 1583 г. н.э., 21 июня 1586 г. н.э.) как «один из Кумукских беков Карабудаг-бек» [45, с. 64, 313, 314, 441]. В 1598 г. Губденом ещё владел «Шевкалов племянник, у него 200 человек конных», поэтому логичнее всего выглядит предположение, что включив в свою родословную эпонию этого селения, карабудахкентские карачи-беки пытались легализовать позднейшие территориальные приобретения [7, с. 293].

В отписке Ф. Лобанова-Ростовского и В.Г. Щетинина в 1598 г. «у Карабутацкого князя» указано «100 человек конных» [7, с. 293]. В 1614 г. «Суркай князь Карабудацкой з детми ж» также принял участие в шарт-наме против Андия и Султан-Махмуда [7, с. 533]. Согласно терским расходным книгам приехавшему в Терский город 12 апреля 1618 г. вместе с Ильдаром «Суркаеву сыну карабудацково Смаилу-мурзе» выдали однорядку в «4 аршина сукна лундышу да 30 куниц, цки бельи хрептовые», а его девяти узденям – 25 аршин английского сукна [32, с. 82]. А сопроводившему туда же темиргоевского князя Безруко Болотокова «карабудацково Суркаеву брату Алибеку-мурзе» 9 сентября 1620 г. дали 2 с половиной аршина английского сукна [32, с. 91].

В османских реестрах от 6 раджаба 989 г.х., 17 джумада ал-ахира 991 г.х. и 4 раджаба 994 г.х. (6 августа 1581 г. н.э., 7 июля 1583 г. н.э., 21 июня 1586 г. н.э.) рядом с Карабудаг-беком упоминается Бойбеги Халил-бек [45, с. 313, 314, 441]. В 1598 г. по сведениям Ф. Лобанова-Ростовского и В.Г. Щетинина «кабак Утемишев» занимал «Халебек князь, у него с 300 человек конных» [7, с. 293]. Позже, во время Персидского похода Петра I 1722 г. утемишский Султан-Махмуд один из всех карачи-беков прославился тем, что вместе с кайтагцами оказал сопротивление российским войскам. Поскольку Утемиш лежал на границе шамхальства и удийста, то зависел «временем от шамхала, временем от усмея» [15, с. 15].

Что касается последнего из уделов карачи-беков, то нет никаких надежных источников, которые подтверждали бы существование бийлика в Аркасе на рубеже XVI–XVII вв. Поэтому логичным выглядит предположение, что первоначально его место в числе бийликов в составе шамхальства занимала Тюмень (князья которой происходили от улусных беков Большой Орды). Правда следует отметить, что карачи-беки Аркаса называли своим родоначальником шейха Асилдара ал-Харкаси. Дагестанский ученый Йусуф ал-Муркили (1864–1918) был на зиярате этого шейха и переписал надгробную эпитафию, датируя его смерть 1455 г.⁴ В сочинении Назира ад-Дургили сохранилась краткая версия этой эпита-

⁴ «Похоронен в этой могиле шейх, познавший Аллаха, валий ал-Хаджж Асилдар ал-Харкаси, сын ‘Ата ал-Кадари из рода карачи-беков. Имя его матери – Аймесей из Эндирея из рода Сала-узденей (салалар). Этот шейх трижды совершил хаджж, он из рода Курайшитов и он является мусульманином в двенадцатом поколении. Он прожил сорок девять лет и скончался в восьмьсот шестидесятом году (1455 г.). Гора Харкас, на которой он похоронен, а также гора Нанай являются его мульком». Йусуф ал-Муркили. Мушахадат ал-машахид. Рукопись хранится в личной коллекции Ильяса Каяева, № 220, л. 3а.

фии⁵. Однако аутентичность добавленной ал-Муркили даты вызывает вопрос, так как упомянутый в ней Эндирей получил это название лишь в конце XVI века. Из сочинений Эвлии Челеби и Мухаммеда Аваби Акташи ясно, что первоначально на его месте находилась крепость Балх, которую в 986 г.х. (1578/1579 г.) захватил Оздемир-оглу 'Осман-паша [40, с. 113–114; 41, с. 20, 30]. Она была переименована после вторжения в 1594 г. на прикаспийскую равнину московских войск, в честь воеводы Андрея Хворостинина [32, с. 57].

В дагестанской историографии вопрос происхождения карачи-беков в течение уже нескольких десятилетий служит предметом острой полемики, начало которой положил Т.М. Айтберов, считавший, что «дагестанские карачи-беки, видимо, потомки одного из членов нуцальского рода, который достиг в Золотой Орде ранга «карачи» [3, с. 15]. Другую полярную точку зрения обозначил А.А. Галимов, сформулировавший тезис, что «карачи-беки происходили из местной кумыкской, хазаро-кыпчакской родоплеменной знати» [10, с. 48]. При этом оба автора построили свои гипотезы, оперируя сведениями псевдобиографического сочинения Тарих-Дагестан, с одним из сюжетов которого родословная связывает происхождение первого эрпелинского князя Исмаила (а второй апеллировал ещё и к эпическому повествованию Дербенд-наме).

Попробуем разобраться в хитросплетениях этой дискуссии, используя методы исторической социологии. Рациональным зерном гипотезы Т.М. Айтберова является служилый характер должности карачи-бека. Известно, что покоренные народы действительно были включены в состав золотоордынского войска. Например, египетский автор Ахмед ал-'Умари, описывая правление Узбек-хана, упоминает подчинявшиеся ему «рати черкесов, русских и ясов» [13, с. 103]. Их инкорпорация в ордынское войско была осуществлена путем проведения переписей, в ходе которых монголы «поставиша тысяшники, и сотники, и пятьдесятники, и десятники» [35, с. 529]. Следы такой десятичной организации сохранялись на Кавказе столетиями (в частности, есть указания на то, что черкесские старшие уздени стояли во главе десятков конного ополчения). То же самое можно говорить и о Хулагуидах. Отдельные политические образования в Дагестане, в частности, Кайтаг, имели в некоторые исторические периоды через Ширван номинальный вассалитет от Хулагуидов.

Слабой стороной гипотезы Айтберова является игнорирование того факта, что деление войска на четыре улуса было ключевым элементом крыльевой ориентации Монгольской империи, унаследованной ею от Тюркского каганата через нормы тюркского обычного права тере. Строго определенные места на крыльях ханского войска были закреплены исключительно лишь за племенными общинами кочевников, в то время как оседлые народы имели собственный правовой обычай, в связи с чем, пользовались относительной автономией [13, с. 391]. Поэтому улусные беки всегда были представителями наиболее именитых кочевых племен, ополчение которых служило им опорой. Неизвестно ни одного исключения из этого правила. В общем-то, эпитет «карачи», который им присвоили в Золотой Орде, в том числе подразумевал их представительный характер по отношению к простому народу той или иной кочевой общины. Аналогичная социальная структура была характерна и для государства Хулагуидов.

⁵ «Шейх, который похоронен в этой могиле – валий, ал-Хаджж Асилдар, сын 'Ата ал-Гадари. По происхождению он из карачи-беков. Мать его – Ай Мисей Эндиреевская. Она из рода сала-узденей». Назир ад-Дургили. *Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' Дагистан*, с. 14–15. (Рукопись хранится в ИИАЭ ДФИЦ РАН. Фонд М.-С. Саидова. Оп. 1, № 95).

При Чингиз-хане роль улусных беков играли так называемые четыре кулюка (арлат Боорчу, джалаир Мухали, хушин Борохул и сулдус Чилаун) [24, с. 399]. Первоначально их родственники занимали аналогичные посты и в улусах Монгольской империи. Благодаря Ахмеду ибн Арабшаху известно, что в Чагатайском улусе эти должности были закреплены за племенами арлат, джалаир, хушин и барлас [49, с. 288–291]. Выше уже были перечислены первые карачи-беки Золотой Орды. Однако в ханствах Джучидов состав четверки самых влиятельных племен не раз менялся (в их числе были и мангыты) [49, с. 284]. Вообще же о карачи-беках существует обширная литература, причем эта титулатура была прочно связана с (пост-)монгольскими государствами и, как указано выше, была закреплена исключительно за местными кочевыми родами [49, с. 283–297; 46, с. 101–129; 50, с. 329–348; 44, с. 181–199; 47, с. 282–309; 12, с. 206–211, 234; 14, с. 33–52]. Ни один источник, ни одно исследование не указывает на то, что эта титулатура была закреплена за ополчением, не относящимся к одному из четырех именитых кочевых племен. Как мы упомянули выше, нет ни одного исключения из этого правила. Таким образом, предположение Т.М. Айтберова о происхождении дагестанских карачи-беков из рода хунзахской аристократии абсолютно не состоятельно.

Аналогичны недостатки и противоположной точки зрения. Избежав некоторых слабых мест предыдущего подхода, Галимов совсем не учел того, что кумыкское общество со времен своего основания вело оседлый образ жизни. Поэтому, если не считать некоторых фольклорных сведений, которые могут указывать на связь тюменцев с племенем хитай, в их среде никогда не употреблялась племенная идентификация. Она попросту была бессмысленна в социальной системе, составными единицами которой были оседлые поселения (в отличие от Орды, включавшей множество кочевых общин). Такое общество было по своей сути полиэтничным, поэтому в нем кочевое происхождение не несло каких-либо значимых социальных предпочтений.

Можно сказать, что опора на Тарих-Дагестан является связующей точкой для позиций обоих полемистов. А между тем, это самый слабый пункт в структуре построенных ими доводов. Авторы уже касались этого произведения на страницах этой и других своих публикаций. По-видимому, оно принадлежит перу выдавшего себя за сына шаха самозванца Сам-мирзы, который сначала возглавил восстание в Закавказье против Надир-шаха Афшара, затем был схвачен шахом, лишен носа, и в итоге нашел убежище у Гази-Кумухского халклавчи Сурхая [20, с. 13]. Судя по всему, Сам-мирза был человеком, не чуждым литературного таланта, который он и решил поставить на службу своему покровителю.

Анализ текста Тарих-Дагестан свидетельствует о том, что Сурхай предоставил своему гостю для работы доступные хронографические записи, сохранившиеся в различных местных рукописях. Однако даже их автор использовал довольно легкомысленно, без колебаний разрывая смысловые связи [21, с. 41]. Тем не менее, большая часть источников его труда до сих пор представляет для исследователей загадку. Поскольку он творил в псевдобιοграфическом жанре (приписывая плод своего пера Мухаммеду Рафи, который, по всей видимости, был дагестанским ученым XVII века, и автором одного из источников⁶, исполь-

⁶ В коллекции Ильяса Каяева (1961 г.р.) в г. Махачкала хранится рукопись «Хроника Кайтагских уцмиев и история Маза», составленная «Абу-л-Фатх Мухаммад Муллоу Рафи, по прозвищу Дийа ад-Дин, которого звали Мухаммад Мавсум, а на аджаме – Мулла Челеби ар-Рафи» б. ал-Мавла, который жил во времена 'Абд ар-Рахмана аш-Ширвани ал-Хасан ал-'Алави ас-Сафави» в 1030 / 1620–21 гг. на основе более древней рукописи, составленной в 712 / 1312–13 гг. Рукопись № 311, л. 3б.

зованных Сам-мирзой при составлении своего труда), то ничуть не стеснялся широко пользоваться художественным вымыслом. Поэтому на основе известных данных невозможно подтвердить исторический характер личности Сураки. Более того, фиктивный характер его родословной следует уже из того, что в неё инкорпорированы имена и титулы последних Сефевидов, а также чингизида Урус-хана [40, с. 98].

Впрочем, Сам-мирза не придумал такого персонажа как Сурака, а воспользовался каким-то общим источником с Историей Аргвани [34, с. 214–222]. Это псевдобиографическое сочинение, созданное известным дагестанским факихом – кадием с. Чиркей Хаджж ‘Али б. Хасаном ал-Аргуни ал-Авари, умершим в 1173 г.х. (1759–1760 гг.) [38, с. 106–107; 11, с. 53]. В Истории Аргвани говорится о том, как «пришли в Авар ханы Кабатийские Суракат и Кагар⁷. Суракат поселился в Аваре, а Кагар в Чир-юрте» [34, с. 218]. Вероятнее всего, Сурака и Кагар здесь – усеченные имена Сосуко и Кардана Таусултановых (родоначальников князей Малой Кабарды) [16, с. 605, 610]. Очевидно, что позитивистский подход не даст плодотворных результатов при работе с дагестанской рукописной традицией.

В этой связи показательно то, что если происхождение старшей ветви эрпелинских карачи-беков действительно, как правило, связывалось с Суракой, то один из последних представителей младшей дал показания, что начало их роду положил девятнадцать поколений назад некий грузин Георгий, принявший ислам [9, с. 129–130]. Следует отметить, что известно несколько фиктивных генеалогий, возводящих родословие местных знатных домов к героям Тарих-Дагестан. Так, в рукописи этого сочинения, принадлежавшей Маяр-Али Идрисову, султан ‘Али-бек Шамхалов назван сыном одного из его персонажей – Амирахмада, сына Чуфана, сына Султана, сына Масумбека (и это несмотря на нисбу ал-‘Анди, которая очевидно указывала на принадлежность к роду шамхала ‘Андия) [2, с. 128; 40, с. 104]. В надгробной эпитафии Сурхай-хана сына Гебека, установленной в 1834 г. в Хунзахе, его предком назван другой персонаж Тарих-Дагестан – Сиртан, сын Амирсултана, сына Байараббаса, сына Сураки, сына Сиртана. При этом создатель эпитафии пользовался дефектным списком родословной нуцалов, механически объединил разные её ветви, но пропустил действительных родоначальников – братьев ‘Андуника и Турурава [42, с. 98; 40, с. 98, 103, 105].

Очевидно, что в XIX веке в Дагестане сложилась традиция восполнять недостаток генеалогических источников о местной аристократии по сведениям Тарих-Дагестан. В таком случае, ключевым вопросом является мотив, побудивший эрпелинских карачи-беков, не принадлежавших ни к шамхальскому, ни к нуцальскому роду, искать свои корни именно на страницах этого произведения. Чтобы прояснить его, целесообразно ввести в научный оборот данные некоторых дагестанских рукописных источников.

Титул уланов

Рукопись «Тарих Кавказ» Джамал ад-Дина-хаджи ал-Гарабудаги, хранящаяся в личной коллекции жителя с. Карабудахкент Магомедбека Умарова (1978 г.р.), содержит описание шамхальства⁸. При этом из османской литературы

⁷ В арабском тексте использован термин القبط «египтяне», что является аллюзией на легенду о египетском происхождении кабардинских князей. Написание имен персонажей имеет следующую орфографию: قهر سرقة [36, с. 85].

⁸ «Его политические границы в начале существования граничили на западе с землями черкесов; Хазарским морем на востоке; вершинами гор Кавказа и вдавались в страну Ширван вплоть до Хазарского моря на юге. И жителями его являются пле-

он заимствовал указания на принадлежность шамхалов к роду чингизидов⁹. Значительное внимание уделено в рукописи карачи-бекам¹⁰, впрочем, некоторые интересующие нас сведения можно найти и в уже опубликованной «Истории Кавказа и селения Карабудахкент» Джамал ад-Дина-хаджи ал-Гарабудаги [30, с. 45, 62–63].

Очевидно, те же османские источники, которые возводят род шамхалов к чингизидам, использовали в своих работах и другие дагестанские авторы. К кругу таких сочинений можно отнести «Усладу умов в биографиях дагестанских ученых» Назира ад-Дургели Алтуни¹¹. Статья о шамхалах есть также в опубликованном на лакском языке энциклопедическом труде Али Каяева «Лакский язык и история» [18, с. 383–384]. Кроме того, в личном архиве его внука Ильяса Каяева хранится под инвентарным номером № 28/1 сочинение Шараф ад-Дина Раш-

мена кумук-ногай и таргу-ногай. И к этому с севера добавляются крепость Кизляр (Кизляр-кала), и стоянка Агар-хана вместе со степью и лугами. А правитель имеет прозвище Шамхал-хан из рода Чингиз-хана. Его политика формально основана на Тёре Чингиз-хана, однако на самом деле все регулируется волей хана. Говорят, что оно было основано после того, как распалось государство сыновей Тамерлана в 852 году (1442 г.)» Джамал ад-Дин ал-Гарабудаги. *Та'рих ал-Кавказ*, л. 64а. Частная коллекция Магомедбека Умарова (1978 г.р.), с. Карабудахкент, Дагестан.

⁹ «Османский историк Ахмед Джевет писал: после падения государства Тимура, жители Северного Кавказа стали независимыми. Затем они установили правителем над собой хана из рода Чингиза и назвали его Шамхалом». Джамал ад-Дин ал-Гарабудаги. *Та'рих ал-Кавказ*, л. 67б.

¹⁰ «В Дагестане были также правители над свободными (узденями), которые не относились к ханам (имеются ввиду Тарковские шамхалы, Казикумухские халклавчи, Аварские нуцалы и Кайтагские уцмии). В большинстве своем они подчинялись ханам, которые их окружали. И они во внутренних делах (имеются ввиду адаты) руководствовались некоторыми положениями Чингиз-хана. А в политических вопросах они руководствовались «Тёре» Чингиз-хана, также как и в остальных ханствах. И из них – кадий Табасарана, его северной и южной части, кадий Акуша, и карачи, которые были в некоторых кумыкских селениях, подвластных шамхалам. И мне неизвестно о происхождении этих правителей. Карачи-бии – они одни из (представителей) крупной аристократии (умара') при Узбеке. Они служили (дословно: были слугами) Шах-бек-хана и его брата Махмуд Султана, были служилыми людьми при них и хорошо им служили. Вместе с другими служилыми людьми они дали им присягу во время бегства ханов от Узбека в Дешт-и-Кипчак, опасаясь Ахмад-хана и Ибак-хана. Вначале они нашли убежище у Касим-хана в Астрахани. А затем, на рубеже тысячного года (хиджры) они бежали оттуда в другие места Дешт-и-Кипчака». Джамал ад-Дин ал-Гарабудаги. *Та'рих ал-Кавказ*, л. 87а.

¹¹ «Шамхал – это титул правителей равнины, обосновавшихся в городе Таргу и в Кафир-Кумуке в Дагестане, с запада (со стороны) Хазарского моря. Они занимали ханство хан за ханом (вплоть) до конца тринадцатого века. Их начало относится к падению власти государства Тимурленга на Кавказе, который стал подобным республике, которую одолели насельники со всех сторон и обосновались на определенных частях. На этой равнине шамхалы стали амирами и ханами. Говорят, что они были из рода Чингиз-хана – огнепокклонников. (Но сами они) были мусульманами. Однако они следовали гадким адатам и порицаемым делам, будто бы они унаследовали их от своего предка Чингиз-хана или его приближенных. Они не были курейшитами, ни хашимитами, не из благородных и достойных». Назир ад-Дургели. *Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' Дагистан*, с. 37–38.

куева “аш-Шари‘а ва хази ал-джибал ва зара‘иб”¹². Очевидно, влиянием именно этих сочинений объясняется предположение П.Н. Петрова в “Истории родов русского дворянства” о чингизидских корнях князей Тарковских [31, с. 52].

Итак, происхождение шамхалов все перечисленные авторы связывали с Чингис-ханом. Но каковы же сведения османской историографии, на которые они опирались? Надо сказать, что эти свидетельства, хотя и рассеяны во множестве в работах турецких авторов, все без исключения носят довольно общий характер. В качестве примера удобнее всего привести “Книгу путешествия Эвлия Челеби”. В одном месте своего труда он утверждал, что чингизиды «составляют двенадцать линий падишахов». Указав затем на татарское происхождение «народов Крыма и Дагестана», в частности кумыков, он, как можно было бы подумать, намекнул на шамхалов [19, с. 9]. Но в другом месте он сам изложил легенду об исходе предков шамхальского рода из Шама [41, с. 114].

Что же думали на этот счет в самом Дагестане? Во-первых, характерно то, что до момента знакомства с османской литературой в дагестанской письменной традиции встречается лишь арабская версия происхождения шамхалов. Во-вторых, в этнографических записях Я. Потоцкого от 5 октября 1797 г. отмечено, что «все кумыкские князья принадлежат к той же фамилии, что и шамхал, за исключением брагунских, которые претендуют на происхождение от Чингиз-хана» [48, с. 122]. К последним, которые претендовали на чингизидское происхождение, причисляли себя брагунские князья Таймазовы. Возникает закономерный вопрос: чем же претензии Таймазовых заслужили доверие в глазах кумыков? Дело в том, что Джучиды делились на несколько ветвей и настоящий чингизид всегда мог назвать ту, к которой он сам принадлежал. В частности, ханы Большой Орды происходили из рода Тимур-Кутлуга, Таймазовы же считали своим родоначальником Барак-хана, основателя династии Казахских ханов [33, с. 52; 87, с. 238]. В некоторых литературных произведениях последние также фигурируют как огланы Урус-хана (прадед Барака) [37, с. 29]. Очевидно, автору Тарих-Дагестан были знакомы претензии брагунских князей, так как он включил имя чингизиды Урус-хана в состав нуцальской родословной [40, с. 98].

Совершенно ясно, что шамхалы не могли назвать своего праотца и тем самым подтвердить чингизидское происхождение. П.Н. Петров даже попытался по своему разрешить этот вопрос, разыскав ответ на него в Никоновской летописи, где упоминается «Щелкан Дюдeneвич, братанич Азбьяка Ординского царя» [31, с. 52]. Вероятно, Патриаршая летопись содержит небольшую фальсификацию,

¹² «В исторических книгах сказано вкратце следующее: «Шамхалы происходят из рода Чингиз-хана, татарского завоевателя. Он захватил эти земли силой, войной. Историки пишут, что когда Чингиз-хан захватил государство Дешт-и-кипчак и Москву, он отправил своего сына Чагатая с многочисленным войском в Дербент. Тот захватил его, убил много его жителей... (дефект документа, нечитабелен). Затем появился известный завоеватель Тимурленг ат-Татари. Он захватил Дербент и то что вокруг него. Он победил дважды Тохтамыш-хана, который был одним из потомков Чингиз-хана. Завоеванные земли Тимурленг отдал своему старшему сыну Мирза Миран-шаху, потом они перешли к сыну последнего. Так продолжалось до распада государства, когда появилось племя «Аккоюнлу». В это время жители Северного Дагестана приобрели независимость и выбрали над собой правителя из рода Чингиз-хана, которого называли «шамхал». И то что они (шамхалы) утверждают что они являются курайшитами не соответствует действительности». Шараф ад-Дин Рашкуев. *Аш-Шари‘а ва хази ал-джибал ва зара‘иб*. Документ хранится в частной коллекции Ильяса Каяева (1961 г.р.), г. Махачкала, № 28 / 1.

сделанную во время недолгого взлета семейства Щелкановых (дьяков незначительного происхождения, благодаря своей чрезвычайной близости к царскому двору долгое время возглавлявших первое российское внешнеполитическое ведомство – Посольский приказ), чтобы облегчить им путь в ряды московской знати. С другой стороны курейшитская родословная шамхалов, составленная Сам-мирзой для Тарих-Дагестан, носила такой же очевидный для любого ученого-арабиста фиктивный характер [40, с. 100]. Но сами указания на арабоязычность шамхальского рода до времен Султан-Махмуда, встречающиеся в местной традиции, заслуживают доверия. Ведь до XIX века ширванские арабы составляли одну из многих этнических общин Дагестана, и лишь процессы модернизации, запущенные на Кавказе Российской империей, привели к их ассимиляции [5, с. 21–22]. Тот факт, что все ранние шамхальские надписи выполнены на арабском языке (а не на тюрки, которым пользовались чингизиды), служит красноречивым подтверждением этому тезису.

Тем не менее, было бы ошибкой обвинять шамхалов в произвольном присвоении достоинства уланов. Дело в том, что в Монгольской империи ноян, удостоенный брака с девушкой из ханского рода, получал особый титул зятя (монг. курген) [8, с. 115]. Согласно же Эвлия Челеби в XVII веке уланами называли тех биев, «которых, к примеру, ханские дочери породили» [19, с. 10]. Между тем, известно, что брагунские князья Таймазовы играли для шамхальского рода роль брачной фратрии [33, с. 124]. Очевидно, что, не имея в глазах кумыков прав на уланский титул, шамхалы никогда не смогли бы заставить своих подданных его признать.

Во всяком случае, деление биев на уланов и карачи представляет собой яркий пример применения в шамхальстве таких традиционных источников права кочевников как ясак и тѐре, что не раз подчеркивалось в дореволюционной дагестанской историографии. И в самом деле, помимо деления биев на две страты и рудиментов крыльевой ориентации в виде четырех бийликов, существовал ещё один институт, которым шамхальство очень напоминало устройство чингизидского ханства. В рукописном сочинении Мехмет-эфенди Вольтинского «Рисале-и Ахвал-и Дагистан» сопоставляются практиковавшиеся в шамхальстве и чингизидских ханствах порядки наследования власти. Подобно тому, как у Джучидов ханскому наследнику-калге полагался особый юрт (в Крыму под него был выделен г. Ак-Месджид), так и у крым-шамхала¹³ был свой удел в Буйнаке [19, с. 10; 39, с. 56].

Все вышеперечисленное наводит на мысль, что шамхальство мыслилось в среде кумыков как проекция чингизидского ханства. В определенной степени такая догадка находит подтверждение не только в османской историографии, но и в памятниках исторического фольклора. В частности в караногайской версии дастана «Чора-батыр» отец героя Нариг является слугой дагестанского хана (в то время как исторический казанский карачи-бек Чура Нарыков происходил из крымского ханства) [4, с. 27]. И все же не следует переоценивать все эти свидетельства. Знаки ханского достоинства, которые шамхалы получали от Сефевидских шахов как валии Дагестана, отнюдь не подразумевали их суверенитета. Поэтому идеология, распространяемая османскими авторами, была сформирована в целях подстрекательства дагестанцев к отложению от Сефевидов. Если в те времена на берегу Каспия и осмеливались говорить вслух о Дагестанском ханстве, то в местной письменной традиции подобных намеков до поры до времени тщательно избегали. Нормы же ясы и тѐре сохранялись преимущественно в публично-правовой сфере, в то время как в частной их почти полностью вытеснило черкесское обычное право.

¹³ В юридическом ключе этот институт наследования не имеет очевидных местных правовых источников и полностью копирует чингизидский.

* * *

Итак, в объективной реальности существовала коллизия между реальным происхождением шамхалом и их претензиями на положение равное чингизидам. Впрочем, для Средневековья такая ситуация была достаточно характерной. Например, Иван IV, приняв царский титул, распорядился составить генеалогию, выводившую его род от «Августа Кесаря» [43, с. 20]. А сами ширваншахи иногда называли своим предком Сасанидского шаха Бахрама Гура [25, с. 107].

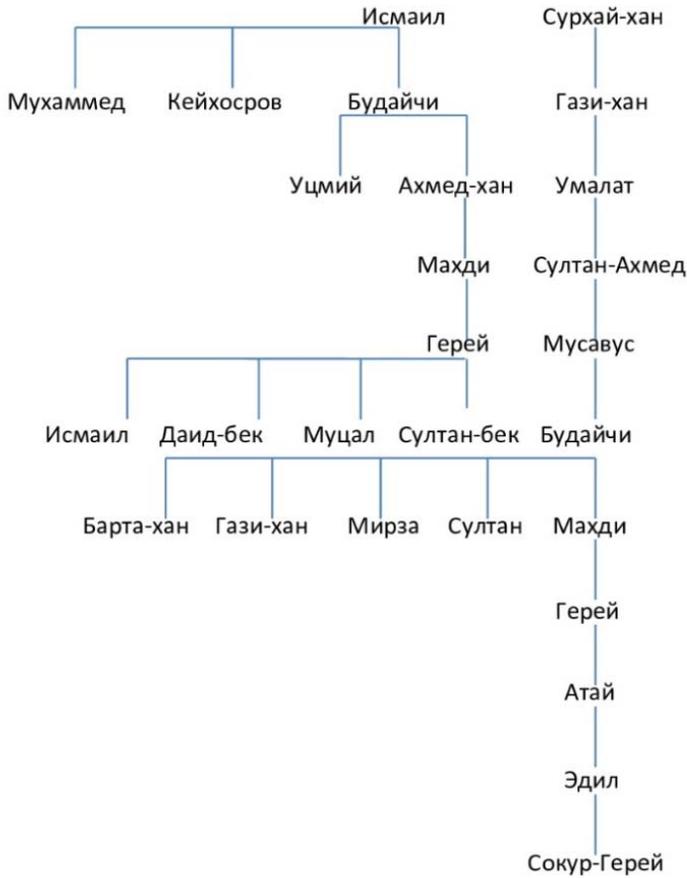
Одной из обязанностей карачи-беков был сбор ясака на подвластных им землях в пользу шамхалов. Однако в сборнике адатов селения Карабудахкент сохранилось соглашение, заключенное в 1163 г.х. (1749/1750 г. н.э.), согласно которому его жители прекратили свою ренту шамхалам. Чтобы придать силу этому соглашению они договорились разрушить дом любого, повинного в сообщении с шамхальством без ведома их общины [29, с. 128–129].¹⁴ Очевидно, это было вызвано событиями, произошедшими несколько раньше. В августе 1741 г. армия Надир-шаха Афшара потерпела поражение в битве при ауле Чох от совместного ополчения дагестанских народов. Это привело к ослаблению власти шамхала Хасбулата (ставленника шаха) и фактическими гегемонами Дагестана во второй половине XVIII века являлись аварский Мухаммед-нуцал и его сын ‘Умар-нуцал [27, с. 41].

Несомненно, в Эрпели происходили те же события, что и в Карабудахкенте. Если сопоставить разные суждения о происхождении карачи-беков, становится очевидным конъюнктурный характер сообщаемой информации. В тех из них, которые апеллировали к ясе и тере, карачи позиционировались как пришельцы в Дагестане [30, с. 62–63]. Однако постепенно акценты смещались в сторону их признания, в качестве рода более древнего, чем шамхальский [30, с. 70]. Вероятно, в этом вопросе сказалась та двойственность, которая всегда существовала в понимании привилегий шамхала. Пока отношения между ним и карачи-беками строились по модели, продиктованной тюркскими правовыми нормами, вопросов не возникало. Но как только эти связи оказались разорваны, карачи попытались апеллировать к местной генеалогической традиции, чтобы доказать право на независимость от шамхалов.

Итак, можно сделать вывод, что те политические институты, которые тюменцы принесли в Дагестан, оказались необыкновенно стойкими. Несмотря на то, что главные местные феодалы-шамхалы не имели прямых кочевых корней, они предпочли полностью перенять модель устройства чингизидского ханства, что, по-видимому, помогло им легитимизировать свою власть. Тем не менее, создавая таким путем коллизия до сих пор поддерживала ожесточенную научную полемику по этой проблеме.

¹⁴ О том же самом говорится и в «Сборниках адатов Карабудахкентского общества»: «Жители Карабудахкента пришли к единогласному мнению разрушить дома тех, кто пойдет к сыновьям шамхала и к самому шамхалу без разрешения на то жителей Карабудахкента и не будучи отправлены туда ими. В случае если выяснится, что кто-либо пошел к ним, то к ним применяется это решение, даже если он будет правителем или узденем». Рукопись хранится в ИИАЭ ДФИЦ РАН. Фонд М.-С. Саидова. Оп. 5, № 128, л. 6б.

Приложение 1. Генеалогия эрпелинских карачи-беков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абул-Гази Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Пред., прим., библиография. А.А. Глашева. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2018.
2. Агларов М.А., Айтберов Т. М. «Повествование об Али-беге Андийском и его победе над князем Туруламом б. Алиханом Баклулальским», как источник по истории Дагестана XVII в. // В.Г. Гаджиев (сост.) Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1981. С. 123–133.
3. Айтберов Т.М. Новое о карачибеках и салаузденях (XV в.) // I конференция молодых ученых Дагестанского филиала АН СССР: (Тезисы докладов). Ред. кол. Г.Г. Гамзатов и др. Махачкала, 1978. С. 14–15.
4. Ананьев Г. Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе (Материалы: биографические, исторические, географические, этнографические и пр.). Под ред. Г.Н. Прозрителева. Т. II. Ставрополь: Типо-лит. Т.М. Тимофеева, 1909. С. 1–29.
5. Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам: Из истории Ширвана и Дагестана с древнейших времен до 1913 г. Ред., коммент., примеч. и указ. З.М. Буниятова; АН АзССР, Институт истории. Баку: Элм, 1991.
6. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

7. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из главного архива Министерства иностранных дел. 1578–1613 гг. Вып. 1. М., 1889.
8. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Издательство АН СССР, 1934.
9. Гаджиев Б.И. Буйнакский район в истории и легендах. Махачкала, 2003.
10. Галимов А.А. Очерки по истории селения Карабудахкент. Махачкала, 2005.
11. ад-Дургели Назир. Усила умов в биографиях дагестанских ученых (Нузхат ал-азхан фи тараджим ‘улама’ Дагистан). Пер. с араб., комментарии, факсимильное издание, указатели и библиография подготовлены А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М., 2012.
12. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009.
13. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М.: Центр по изучению военной и обзей истории, 2003.
14. Идрисов Ю., Устарханова Р. Эрпели от истоков до наших дней. Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2022.
15. История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы. Отв. ред. М.О. Косвен. М.: Издательство восточной литературы, 1958.
16. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках. Документы и материалы в 2 томах. Т. 1. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006.
17. Кавказ: Адаты горских народов, вып. IV. Сост. Ф.И. Леонтович. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.
18. Каяев Али. Лакский язык и история. М.: Наука, 2006.
19. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). Симферополь: Таврия, 1996.
20. Комаров А.В. Казикумухские и Кюринские ханы // Кавказские горцы. Сборник сведений, вып. II. М.: МНТПО «Адир», 1992. С. 3–44.
21. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. М., 2007.
22. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1957.
23. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977.
24. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное сказание монголов. Рязань: «Александрия», 2009.
25. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
26. Му’изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии). История Казахстана в персидских источниках. Т. III. Отв. ред. А.К. Муминов. Перевод с персидского, предисловие, примечания, подготовка факсимиле к изданию Ш.Х. Вохидова; сост указателей У.А. Утепбергеновой. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006.
27. Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье: отрывок из рукописи подполковника Неверовского. СПб.: Тип. военных учебных заведений – начала XX в. Т. 2. Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Изд. Дом Марджани, 2009.
28. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. 2. Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Изд. Дом Марджани, 2009.
29. Омаров Х.А. Свидетельство карабудагкентских владельцев // Шихсаидов А.Р. (сост.) Письменные памятники Дагестана XVIII – XIX вв. Махачкала, 1989. С. 128–129.
30. Оразаев Г.М.-Р. «История Кавказа и селения Карабудахкент» Джамалутдина-хаджи Карабудахкентского (Публикация текста и комментарии. С приложениями). Махачкала, 2001.

31. Петров Н.П. История родов русского дворянства. Т. II. М.: «Современник», 1991.
32. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сборник документов. Выявление, сост., введ., коммент. Е.Н.Кушевой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1997.
33. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа: 1793–1897 гг. Под ред. А.И. Мусукаева. Т. 1. Нальчик: «Эль-Фа», 2003.
34. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исслед., заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). СПб.: Тип. А. Хомского и К, 1895.
35. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 1. М.: «Языки славянских культур», 2007.
36. Тесаев З.А., Баснукаев Х.У. Хроника «Тарих Чачан», составленная Изнауrom Несерхоевым (перевод и комментарии) // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 1. С. 82–97.
37. Утемиш-хаджи. Кара-таварих. Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
38. Хапизов Ш.М. Новый источник по истории Дагестана и Чечни XVII–XVIII вв. // АСТА HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. 2018. № 2. С. 106–109.
39. Шамхалы Тарковские // Кавказские горцы. Сборник сведений, вып. I. М.: МНТПО «Адир», 1992. С. 53–80.
40. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: «Наука», Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
41. Эвлия Челеби. Книга путешествия, вып. 2. Сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.
42. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 2. Надписи XVIII–XX вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. М., 1968.
43. Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». М.: «Международные отношения», 1988.
44. Hope M. “The Pillars of State: Some Notes on the Qarachu Beks and the Keşikten in the Il-Khānate (1256–1335),” *Journal of the Royal Asiatic Society*, 2017, Vol. 27 (2), pp. 181–199.
45. Kırzioglu F. Osmanlilar’ın Kafkas-elleri’ni fethi (1451–1590). Ankara, 1993.
46. Lawrence N. Langer, “Muscovite Taxation and the Problem of Mongol Rule in Rus,” *Russian History (Histoire Russe)*, 34, №. 1–4 (Spring-Summer-Fall-Winter 2007), pp. 101–129.
47. Manz B.F., “The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532.,” *Harvard Ukrainian Studies*, September 1978, Vol. 2, no. 3, pp. 282–309.
48. Potocki Jan, *Voyage dans les steps d’Astrakhan et du Caucase*. Tome I. P., 1829.
49. Schamiloglu Uli, “The Qaraçı Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire,” *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 4. Wiesbaden, Harrasowitz, 1984, pp. 283–297.
50. Williams Brian Glyn, “The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation,” *Journal of the Royal Asiatic Society*, Nov., 2001, Third Series, Vol. 11, no. 3, pp. 329–348.

REFERENCES

1. Abu-I-Ghazi Bahadur Khan, Genealogy of the Turks, introduction, commentaries and bibliography by A.A. Glasheva. Nalchik: M. and V. Kotliarov, 2018, 264 p. (In Russian)
2. Aglarov M.A., Aitberov T. M. “Narrative of Ali-beg of Andi and his Victory over Prince Turulav b. Alikhan of Baklulal” as a Source on the History of Dagestan of the 17th century. V.G. Gadzhiev. *The Social System of the Daghestani Rural Communities in the 17th – early 19th Centuries*. Makhachkala: IYal DagFAN SSSR, 1981, pp. 123–133. (In Russian)
3. Aitberov T.M. A New about the Qarachi-beks and Sala-uzdens (15th century). *The First Conference of Young Scholars of the Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences: (Abstracts)*. Ed. by G.G. Gamzatov. Makhachkala: IYal DagFAN SSSR, 1978, pp. 14–15. (In Russian)
4. Ananyev G. Karanogays and their Legends. *Collection of Information about the North Caucasus (Biographical, Historical, Geographical, Ethnographical Materials)*, ed. by G.N. Prozritelev. Vol. 2. Stavropol: Tipo-litografiya T.M. Timofeeva, 1909, pp. 1–29. (In Russian)
5. Bakikhanov Abbas-Kuli-aga. *Giulistan-i Iram: About the History of Shirvan and Daghestan from the Earliest Times to 1913*. Ed. and comments by Z.M. Buniyatov. Baku: Elm, 1991. 304 p. (In Russian)
6. Bartold V.V. *Works on the History and Philology of the Turks and Mongols*. Moscow: Oriental Literature, 2002. 757 p. (In Russian)
7. Belokurov S.A. Relations between Russia and the Caucasus. Materials Retrieved from the Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs, 1578–1613. Iss. 1. Moscow, 1889. 586 p. (In Russian)
8. Vladimirtsov B.Ya. *The Social Structure of the Mongols. Mongolian Nomadic Feudalism*. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1934. 223 p. (In Russian)
9. Gadzhiev B.I. Buynaksk District in History and Legends. Makhachkala, 2003. 254 p. (In Russian)
10. Galimov A.A. *Essays on the history of the village of Karabudakhkent*. Makhachkala, 2005. 423 p. (In Russian)
11. ad-Durgeli Nazir. *The Delight of Minds in the Biographies of Daghestani Scholars (Nuzkhat al-azkhan fi taradzhim “ulama” Dagistan)*, transl. and comments by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov. Moscow, 2012. 441 p. (In Russian)
12. Zaitsev I.V. *Crimean Historiographical Tradition of the 15th – 19th Centuries: Ways of Development: Manuscripts, Texts and Sources*. Moscow: Oriental Literature, 2009. 304 p. (In Russian)
13. *Golden Horde in the Sources*. Vol. 1. Arabic and Persian writings. Moscow: Tsentr po izucheniyu voennoi i obshchei istorii, 2003. 448 p. (In Russian)
14. Idrisov Yu., Ustarkhanova R. *Erpels from the Origins to the Present Day*. Makhachkala: Izdatelskiy dom “Dagestan”, 2022. 444 p. (In Russian)
15. *History, Geography and Ethnography of Dagestan of the 18th – 19th Centuries*. Archival Materials. Ed. by M.O. Kosven. Moscow: Oriental Literature, 1958. 367 p. (In Russian)
16. *Kabardino-Russian Relations in the 16th–18th Centuries*. Documents and Materials in two volumes. Vol. 1. Nal’chik: «El-Fa» Publishing Center, 2006. 696 p. (In Russian)
17. *Caucasus: Customary Law of the Mountains*, Iss. 4, compiled by F.I. Leontovich. Nalchik: M. i V. Kotliarovykh. 2010. 384 p. (In Russian)
18. Kaiaev Ali. *Lak Language and History*. Moscow: Nauka, 2006. 550 p. (In Russian)
19. *Evliya Chelebi’s Travel book. Campaigns with the Tatars and Travels in the Crimea (1641–1667)*. Simferopol: Tavriya, 1996. 240 p. (In Russian)

20. Komarov A.V. Kazikumukh and Kyura Khans. *Caucasian Mountainies. Collection of information*, Iss. 2. Moscow: MNTPO “Adir”, 1992, pp. 3–44. (In Russian)
21. Krishtopa A.E. Dagestan in the 13th – 15th Centuries. Outline of Political History. Moscow, 2007. 228 p. (In Russian)
22. Magomedov R.M. Socio-Economic and Political System of Dagestan in the 18th – early 20th Centuries. Makhachkala: Izdatelskiy dom “Dagestan”, 1957. 408 p. (In Russian)
23. Magomedov R.M. Through the Villages of Dagestan. Extracts from Field Diaries. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1977. 143 p. (In Russian)
24. Matvei Mekhovskii. Treatise on the two Sarmatians. The Secret History of the Mongols. Riazan: Aleksandriya, 2009. 496 p. (In Russian)
25. Minorskii V.F. History of Shirvan and Derbend in the 10th – 11th Centuries. Moscow: Oriental Literature, 1963. 270 p. (In Russian)
26. Mu’izz al-ansab (Glorifying Genealogy). History of Kazakhstan in Persian sources. Vol. 3. Ed. by A.K. Muminov. Almaty: Daik-Press, 2006. 672 p. (In Russian)
27. Neverovskii A.A. A Brief Historical View of Northern and Middle Dagestan Before the Destruction of Lezgin Influence in Transcaucasia: An Excerpt from the Manuscript of Lieutenant Colonel Neverovsky. St. Petersburg: Tipografiya voenno-uchebnykh zavedenii, 1848. 42 p. (In Russian)
28. Custom and Law in the Written Monuments of Dagestan of the 5th – 20th centuries. Vol. 2, comp. and ed. by V.O. Bobrovnikov. Moscow: Izdatelskiy dom Mardzhani, 2009. 272 p. (In Russian)
29. Omarov Kh.A. Testimony of Karabudagkent authorities. *Written monuments of Dagestan of the 18th – 19th centuries*, ed. by A.R. Shikhsaidov. Makhachkala: IYal DagFAN SSSR, 1989, pp. 128–129. (In Russian)
30. Orazaev G.M.-R. “History of the Caucasus and the village of Karabudakhkent” by Jamalutdin-hadji Karabudakhkentsky (Publications of the text and comments. With applications). Makhachkala, 2001. 287 p. (In Russian)
31. Petrov N.P. History of clans of the Russian Nobility. Vol. 2. Moscow: Sovremennik, 1991. 319 p. (In Russian)
32. Russian-Chechen Relations. Second Half of the 16th–17th Centuries. Collection of Documents, comp., introduction, comments by E.N. Kusheva. Moscow: Oriental Literature, 1997. 416 p. (In Russian)
33. Collection of documents on the class law of the peoples of the North Caucasus: 1793–1897. Ed. by A.I. Musukaev. Vol. 1. Nalchik: El’-Fa, 2003. 346 p. (In Russian)
34. Semenov N. Natives of the North-Eastern Caucasus (Stories, Essays, Research, Notes about the Chechens, Kumyks and Nogais and Samples of the Poetry of these Peoples). St. Petersburg: Tipografiya A. Khomskogo i K, 1895. 488 p. (In Russian)
35. Degree book of royal genealogy according to the most ancient lists: Texts and comments, edited by N.N. Pokrovskii, G.D. Lenkhoff. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavianskikh kultur, 2007. 598 p. (In Russian)
36. Tesaev Z.A., Basnukaev Kh.U. Chronicle “Tarikh Chachan” compiled by Iznaur Neserkhoev (translation and comments). *Historical Journal: Scientific Research*. 2021, no. 1, pp. 82–97. (In Russian)
37. Utemish-khadzhi. Kara-tavarikh, transliteration by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Khafizov; translation into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova; general and scientific edition by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)
38. Khapizov Sh.M. A New Source on the History of Dagestan and Chechnya in the 17th–18th centuries. *ACTA HISTORICA: works on history, archeology, ethnography and social science*. 2018, no. 2, pp. 106–109 (In Russian)
39. Shamkhals of Tarki. *Caucasian Mountainies. Collection of information*, Iss. 1. Moscow: MNTPO «Adir», 1992, pp. 53–80. (In Russian)

40. Shikhsaidov A.R., Aitberov T.M., Orazaev G.M.-R. *Dagestani historical writings* Moscow: Nauka, 1993. 302 p. (In Russian)
41. Evliya Chelebi. *Travel Book*, vol. 2, composed and edited by A.D. Zheltyakov. Moscow: Nauka, 1979. 288 p. (In Russian)
42. Epigraphic Monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the 18th – 20th Centuries, texts, translations, comments, introduction and appendices by L.I. Lavrov. Moscow: Nauka, 1968. 248 p. (In Russian)
43. Yuzefovich L.A. “As is the Custom in the Embassy...”. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. 216 p. (In Russian)
44. Hope M. The Pillars of State: Some Notes on the Qarachu Begs and the Keşikten in the Il-Khānate (1256–1335). *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2017, Vol. 27 (2), pp. 181–199.
45. Kirzioglu F. *Osmanlilar’ın Kafkas-elleri’ni fethi (1451–1590)*. Ankara, 1993. 550 p. (In Turkish)
46. Lawrence N. Langer. Muscovite Taxation and the Problem of Mongol Rule in Rus. *Russian History (Histoire Russe)*, 2007, 34, no. 1–4, pp. 101–129.
47. Manz B.F. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532. *Harvard Ukrainian Studies*. 1978, Vol. 2, no. 3, pp. 282–309.
48. Potocki Jan. *Voyage dans les steps d’Astrakhan et du Caucase*. Vol. 1, 1829. 361 p. (in French)
49. Schamiloglu Uli. The Qaraçı Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 4. Wiesbaden, Harrasowitz, 1984, pp. 283–297.
50. Williams Brian Glyn. The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. A Historical Reinterpretation. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 3rd Series, 2001, Vol. 11, no. 3, pp. 329–348.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шамиль Шихалиевич Шихалиев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (367030, ул. М. Ярагского, 75, Махачкала, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3322-0256, Scopus Author ID: 56409821600, ResearcherID: H-1411-2018. E-mail: shihaliev74@mail.ru

Арсений Вячеславович Шумкин – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (119571, ул. Проспект Вернадского, 82, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-6438-5646. E-mail: arsen1293@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shamil Sh. Shikhaliev – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, M. Yaragskiy Str., Makhachkala 367030, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3322-0256, Scopus Author ID: 56409821600, ResearcherID: H-1411-2018. E-mail: shihaliev74@mail.ru

Arseniy V. Shumkin – Graduate student, Russian Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskiy Ave., Moscow 119571, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-6438-5646. E-mail: arsen1293@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 15.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 27.05.2024

Принята к публикации / Accepted 06.06.2024